

Крещение киевлян, ростовцев и муромцев по клеймам житийных икон Муромского музея

О.А. Сухова

Темы крещения Руси князем Владимиром и последующей христианизации русских земель в сохранившихся произведениях древнерусской иконописи, отражена в немногих памятниках. Интересно, что в небольшом собрании икон Муромского музея (около 300) представлено три иконы с циклами клейм на эту тему. В первой показано крещение князя Владимира и крещение им киевлян; в двух других внедрение новой веры в «инородческих» городах Киевской Руси – Ростове и Муроме. Эти памятники опубликованы, но не рассматривались как связанные общей темой и принадлежащие одной местной иконописной и агиографической традиции. Иконы созданы в Муроме на протяжении столетия (перв. четв. XVII в. – перв. четв. XVIII в.). Первая – «Святые благоверные князья Борис и Глеб, с житием Владимира, Бориса и Глеба в 20 клеймах», происходит из собора муромского Троицкого монастыря (с приделом Бориса и Глеба); датируется не позднее 1624/1625 гг.¹ Вторая – «Святитель Леонтий Ростовский, с житием в 24 клеймах», – из храма Николы Зарядского в Муроме (с приделом Леонтия Ростовского); создана около 1677 г.² Третья – «Святые благоверные князья Константин, Михаил и Феодор Муромские, с житием в 87 клеймах», – из собора Благовещенского монастыря (с приделом Константина, Михаила и Феодора) в 1714 г. написана муромским изографом Александром Казанцевым «с сыном Петром»³. На первой иконе «Борис и Глеб» пятнадцать клейм посвящены князю Владимиру, не представленному в среднике. Живописная версия начинается с выбора веры князем Владимиром, показывает принятие им христианства, крещение киевлян и заканчивается погребением князя в Десятинной церкви. Борису и Глебу уделено пять сцен. Нам известна еще только одна икона – «Равноапостольный князь Владимир, святые князья Борис и Глеб, с житием Владимира в 16 клеймах» третьей четверти XVI в., где отражен рассказ о Крещении Руси. (Вологодский музей-заповедник)⁴. Сыновьям Владимира не посвящено ни одного клейма. Иконописцы показали одни и те же события по-разному. Вологодский цикл последовательнее и не выходит за рамки жития Владимира (наиболее близок одной из его разновидностей – тексту «Слова о том, како крестился Влади-

мир, взяв Корсунь»)⁵. Особое внимание уделено в клеймах чуду с прозрением, перенесению мощам святого Климента, повелению строить церкви. Меньше – браку с царевной Анной (в отличие от муромской). Муромский цикл ориентирован на летописное повествование (ПВЛ под 986/87 – 987/988 гг. в виде «Сказания об испытании вер»; под 988/989 гг. рассказ о крещении Владимира в Корсуни). Оттуда же, вероятно, почерпнуты и сюжеты – раздача Владимиром городов своим сыновьям и гибель Бориса и Глеба. Некоторые летописные известия, связанные с Владимиром, Борисом и Глебом, нашли отражение и в муромской агиографии («Повести о водворении христианства в Муроме» 50-60 гг. XVI в.). Редкий состав клейм иконы, возможно, объясняется связью этих событий с местным преданием о крещении муромцев. Тема крещения Руси отражена в миниатюрах Радзивилловской летописи кон. XV в. (БАН.34.5.30). Они восходят к лицевому протографу раннего XIII в. или к нескольким лицевым рукописям домонгольского времени. Представлены сцены посольств – от мусульман, латинян, хазарских иудеев и греков; советы по выбору веры и их испытания; поход на Корсунь. На двух миниатюрах показано принятие крещения самим Владимиром и его дружиной (БАН.34.5.30. Л. 62 об.)⁶. Обе изображают обряд, совершаемый в храме над крещаемыми, погруженными в купель. Сцена крещения киевлян, подробно описанная в тексте летописи, вовсе не проиллюстрирована. Такое важное событие, как крещение народа в Киеве, обозначало в широком смысле принятие Русью христианства. Отсутствие данного сюжета «в качестве подстрочной иллюстрации» к рассказу летописи (как и некоторых других) было прокомментировано Д.В. Айналовым. Он считал, что «этот перерыв и отсутствие рисунков» объясняются «потерей их уже в том оригинале, с которого скопированы остальные». Им отмечено, что «во всей области древнерусской миниатюры совершенно неизвестно изображение Крещения Руси Владимиром, и странным образом это изображение, на первый взгляд, столь естественное в иллюстрируемой летописи, отсутствует... Между тем Крещение Руси известно в миниатюре переводной с греческого «болгарской летописи Манасии», и именно крещение киевлян, так как на этой миниатюре изображена слева гора с сидящей поверх нее фигуркой – персонификацией реки, опирающейся на урну, из которой изливается река. В реке стоит крещаемый. Епископ крестит его, знатные люди стоят справа, а с горы к реке спускаются фигуры народа, протягивающие руки к епископу. Предположить, что подобной композиции крещения не существовало в древнерусском искусстве, невозможно уже потому, что Руссы..., в числе других народов мира, изображены в куполе церкви св. Марка в Венеции, крещение Руссов в Царьграде... изображены в мадридской рукописи Скилицы»⁷. На миниатюре списка хроники Манасии сер. XIV в.⁸ имеется над-

пись «крещение роусом»; крещаемый изображен в водоеме, а не в купели. На другой иллюстрации, в ней же, где представлено крещение болгар («крещение блъгармъ»), как и в иллюстрациях Радзивиловской летописи, показана купель. В клеймах вологодской и муромской икон присутствует не только сюжет крещения самого князя Владимира (клейма № 9), имеющийся на миниатюре Радзивиловской летописи, но и отсутствующее в ней изображение крещения киевлян (клейма № 13). Вологодская сцена представляет крещение князя Владимира в купели, а муромская – в водоеме («Велик... кн(я)з(ь) Владимиръ прия... крещени... ст...ы»). Владимир в этом клейме нашей иконы показан без нимба; он изображен сбоку, обнаженным по пояс и стоящим в воде; голова его приподнята, взгляд обращен вверх, руки протянуты к священникам (показано три фигуры). Епископ с раскрытым евангелием в левой руке правой крестит князя. Водоем представлен не в виде речного потока, а в виде пещеры. На заднем плане, «за горой» – небольшое здание. Возможно, что муромский иконописец отразил и чудо прозрения Владимира, которое по летописи произошло в момент крещения. (На вологодской иконе – исцеление показано в отдельной сцене). Муромская сцена крещения, при своем схематизме, не лишена «летописной достоверности» и в то же время символична, отсылая к иконографии евангельской сцены «Богоявления» («Крещения»). Крещение киевлян на этих иконах также показано по-разному. В клейме вологодской князь Владимир изображен слева, позади епископа. За ним – башнеобразное здание – «град Киев» и толпа народа. Епископ стоит с раскрытым евангелием перед водоемом в виде пещеры в горе, на которой два дерева. Показан не сам момент крещения, а выход князя с народом на берег для совершения обряда. Муромская сцена показывает, как князь Владимир лично, без участия духовенства, крестит народ, что подчеркивает его роль Крестителя Руси. («Велик... кн(я)з(ь) Владимиръ крест... вся...»). Он изображен справа, его десница воздета. Князь в красном одеянии, на плечах – темный плащ, на голове – городчатая корона. Перед ним водоем, показанный почти так же, как и в клейме № 9. Крещаемые – три фигуры обнаженных мужчин (разного возраста) стоят по колено в воде. Сцена буквальна, проста и выразительна. Композиция не столько изображает событие, сколько маркирует его. С середины XVI в. в русской монументальной живописи появились циклы жития святого князя Владимира с изображением сюжетов, посвященных крещению Руси: в росписи Золотой палаты; в лоджии Архангельского собора Московского кремля 1564-1565 гг., где присутствовала и сцена крещения киевлян⁹. Циклы вологодской и муромской икон могли быть связаны с этими несохранившимися произведениями. Были росписи на эту тему, относящиеся и ко второй половине XVII в. Ныне только две описанные нами иконы представ-

ляют циклы крещения Руси, причем иначе, чем в миниатюрах Радзивилловской летописи, к тому же только они содержат сцены (разные по схеме) крещения киевлян.

Повесть временных лет ограничивает рассказ о Крещении Руси крещением самого князя и киевлян. В ней отсутствуют известия о распространении христианства на другие территории. В летописных сводах 30-40-х гг. XV в. к известию о крещении Киева были присоединены два известия – об основании г. Владимира и крещении новгородцев. Известна и статья ростовского происхождения о Крещении Руси и учреждении епископских кафедр, уделяющая особое внимание Ростову и представляющая версию (списки XV- XVI вв.), противостоящую версии свода 30-40-х гг. XV в.¹⁰ В ней указано, что Феодор, первый ростовский епископ (упомянутый и в древнейшем житии Леонтия Ростовского), крестил не только Ростовскую, но и Суздальскую землю¹¹. Появление имени первого ростовского епископа объясняется стремлением составителей и жития, и статьи подчеркнуть «древность крещения Ростовской земли и древность ее епископии»¹². Тема крещения Ростовской земли отражена в клеймах иконы муромского музея «Святитель Леонтий Ростовский, с житием» (около 1677 г)¹³. Леонтий был первым канонизированным ростовским епископом и одним из первых русских святых. Считается, что этот исповедник внедрял христианство в 60-х гг. XI в. Выступление ростовских противников христианства, отмеченное летописью под 1071 г. «может быть трактовано в житии Леонтия Ростовского как его «победа» над местными язычниками»¹⁴. Прославление святого Леонтия А.Г. Мельник относит к периоду правления ростовского епископа Иоанна (1190-1213). Первую редакцию жития святого датируют по-разному: временем сразу после обретения его мощей (1160-е или 1170-е гг.); второй половиной XII – началом XIII вв.¹⁵ «Художественно-документальной природой ранних редакций жития объясняется введение в более поздние редакции памятника отрывков из сказания о крещении Руси Владимиром Святославичем, а также из Ростовской летописи»¹⁶. Житие Леонтия повествует об обстоятельствах принятия христианства и самом событии крещения ростовцев. Но не его житие, а другого ростовского святого – Авраамия, известно как «Повесть о водворении христианства в Ростове». Он не обратил язычников, но проявил себя как миссионер при ростовских епископах Феодоре и Илларионе, которые, по житию Леонтия, потерпели неудачу в христианизации Ростова. По мнению А.Г. Мельника, те, кто формировали культ св. Авраамия во второй половине – конце XV в., пытались затмить культ епископа Леонтия как крестителя. Св. Авраамий «в какой-то мере стал символизировать начало христианской истории Ростова и, шире, – всей Северо-Восточной Руси»¹⁷. М.С. Трубачева предположила, что литературным источником муромской житийной иконы Леонтия, послужил список его

жития (третьей редакции по Ключевскому), содержащийся в рукописном сборнике 1514 г., созданном в Муроме (ГИМ, фонд А.С. Уварова, № 895)¹⁸. Эта одна из редких житийных икон святого была создана в регионе, довольно удаленном от Ростова. Интересен факт бытования в Муроме рукописного сборника с текстом жития этого святого. Из двадцати четырех клейм иконы девять посвящены истории обращения ростовских жителей в христианство (11-19): поставление в епископы (11); прибытие на корабле в Ростов (12); встреча с ростовцами (13); служба в храме архангела Михаила (14); просвещение им детей (15); крещение Леонтием молодежи (16); язычники идут убивать епископа, прижизненное чудо Леонтия (17); крещение ростовцев (18); погребение Леонтия (19). Крещению ростовцев святым епископом Леонтием на муромской иконе отведено два клейма, близкие по композиции (16, 18). Они расположены друг под другом, что придает им динамику и иллюзию протяженности действия, подчеркивает значимость совершаемого. В житийных циклах других икон Леонтия сцена крещения представляется только в одном клейме (13 – в ярославской; 6 – в угличской). Два клейма с изображением крещения соответствуют тексту жития, где говорится о первом крещении: «и начаша собиратися к нему тамо множайшия народе, не токмо младенце, но и старцы, и обращающихся крещаше ту, во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Л. 224)¹⁹. О втором крещении – уже всего народа, повествуется после эпизода с попыткой убийства просветителя и чудом, им явленным: «И обрати всех веровати во Христа, и пришед в град, от мала и до велика крести...» (Л. 224 об.). В муромской иконе не показано убеждение клира Леонтием не бояться язычников. Епископ Леонтий и в сценах крещения ростовцев показан без клира, он один (как и в случае с Владимиром) совершает обряд, что также буквально подчеркивает его исключительную роль как крестителя. Автор иконы буквально следует тексту, создавая две близкие по композиции сцены, но отличающиеся существенными деталями. Первая (16) показывает, что крещение проходит за городом «близ потока, глаголемого Брутовщина», где «ту постави себе церковь малу во имя архистратига Михаила» (Л. 224.), куда и приходили к нему юноши и некоторые старцы (пейзаж почти идентичен в клеймах 14-17). Фигура святого Леонтия (в святительских ризах с евангелием в левой руке и благословляющей правой) обращена вправо. За ним – храм. Перед ним – водоем в виде речного потока, низвергающегося с «горы». Изображены пять обнаженных фигур (юношей), принимающих крещение (старцы, упомянутые в тексте, не показаны). Во второй сцене место действия обозначено иначе (18). Вместо речного потока и горы изображен округлый водоем (озеро), где группа обнаженных людей также принимает крещение (показаны мужчины всех возрастов). Епископ изображен так же, как и на предыдущем клейме, но храм за ним другой конфигурации. Иконопи-

сец следует за текстом, где говорится, что основное крещение произошло, когда Леонтий пришел «в град», где крестил народ «от мала до велика».

Е. Голубинский отмечал, что «первыми водворителями христианства в Ростове и его области были его епископы, кафедра которых была учреждена в нем при первом разделении России на епархии» в 991 г. По его мнению, Владимир не «предполагал крестить инородцев силой и принуждением». Он сознавал необходимость епископа в этом удаленном городе, который «представлял удобства для учреждения кафедры (каковых, вероятно, не представлял не менее отдаленный Муром)». Историк констатировал: «Каким проповедникам Муром обязан своим христианством, остается неизвестным». Так как он принадлежал к Черниговскому уделу и епархии, «то самое вероятное предполагать тут труды епископов Черниговских... Существование монастыря в Муроме в 1096 г. показывает... что первое введение его (христианства – О.С.) в нем должно быть относимо по крайней мере к 1085-1080 гг., что будет значить, что Муром крестился спустя лет 20-15 после Ростова, и именно в то самое время, как христианство, быв распространяемо в области Ростовской, явилось в ближайшем к нему городе сей последней – Суздале»²⁰. Его утверждения представляются нам убедительными; попытки ряда исследователей отнести христианизацию Мурома к более позднему времени – к XII-XIII вв., менее состоятельны. Действительно, внедрение христианства на Руси было многоэтапным, что характерно и для Ростовской, и Муромской земель.

В местной агиографии – «Повести о водворении христианства в Муроме», ключевая роль в христианизации Мурома отводится не епископам, а легендарному крестителю, «равному апостолам» – князю Константину (с чадами Михаилом и Феодором). Церковь отождествляет его с муромским князем Ярославом (ум. 1129). В разных редакциях крещение Мурома датируется то временем, близким к князю Владимиру, то 1192 г., то 1223 г. В житии и в служебных текстах имя князя звучит нарицательно. «Соименность царю Константину, по-видимому, в большей степени определяла значение Муромского крестителя в эпоху, когда Иван Грозный взял и окрестил Казань и был за это уподоблен в похвальной речи митрополита Макария Великому Константину»²¹. Признавая актуальность жития Константина для эпохи Московского царства, некоторые исследователи считают, что его содержание шире символического. По мнению М.В. Кривошеева, в основе жития лежит историческое предание; оно содержит «эксклюзивные данные о ритуальном язычестве Северо-Восточного региона Древней Руси». Факт крещения Муромской округи он полагает «не выдуманной агиографом». По его мнению, в XI-XII вв. христианизация могла быть поводом для колонизации края²². В интерпретации жития Ю.М. Смирновым, «экспедиция» князя Константина по внедрению христи-

анства «совпала с тем периодом в развитии Мурома, когда он стал превращаться в торговый город, один из крупнейших на Руси того времени. Языческая идеология, не приспособленная к городскому укладу, мешала этому развитию, т.е. объективные условия благоприятствовали введению новой религии»²³.

Тема христианизации Мурома св. Константином отражена в нашей третьей иконе – «Константин, Михаил и Феодор» 1714 г., имеющей грандиозный житийный цикл из 87 клейм. Памятнику посвящена наша монография²⁴. В настоящей статье мы рассматриваем только клейма, представляющие крещение муромцев. Александр Казанцев (около 1658 – после 1730), иконописец Нового времени, обладал достаточным арсеналом для создания развернутой и убедительной картины крещения. Он мог пользоваться списками жития, которые составлялись и в Благовещенском монастыре²⁵, при котором находилась его мастерская; безусловно, знал он и две муромские иконы, описанные выше; могли быть ему знакомы и летописные известия, а также местные предания. Но основным источником являлось житие Константина, где тщательным образом прописаны все эпизоды крещения муромцев. Оно аккумулировало в своем составе тексты: летописный рассказ о Крещении Руси, со всеми его подробностями; Проложное житие князя Владимира; «Память и похвала Владимиру» Иакова мниха, житие Леонтия Ростовского.

Цикл из двадцати четырех сцен иконы (клейма 34-57) иллюстрирует эпизоды повествования, связанные с крещением Мурома и кончиной героев жития; они соответствуют части текста, которая в рукописи Пространной редакции имеет подзаголовок: «О крещении народа града Мурома». Цикл открывается сценой (34), где муромцы угрожают Константину (как и ростовцы – Леонтию); далее следуют сцены моления пред иконой Богоматери и чудо от нее, после чего муромцы соглашаются креститься (35-38); далее представлены сюжеты о подготовке к обряду: молебен в храме Благовещения; обращение князя Константина к духовенству; приказание муромцам поститься; повеление князя идти народу креститься на реку Оку (перекличка с Владимиром) (39-42). Самое важное событие – крещение, отражено в четырех клеймах (43-47). Первая из этих сцен показывает народ, пришедший к реке. Она изображена в виде узкой полосы, а берег – «песчаным», пологим, с горкой и темным холмом на заднем плане. В толпе муромцев представлен «всяк возраст» и пол: мужчины, отрок, женщины с младенцами на руках. В следующей сцене – крещение только мужчин (что соответствует эпизоду текста). Условный пейзаж – речной затон с пологой песчаной горкой. Крещаемых иконописец показал обнаженными. Стоящий на берегу епископ с духовенством совершает обряд (на книге в руках епископа – текст молитвы: «Крещаются раби Б(о)жии»). Вверху на горе – князь Константин с супругой Ири-

ной и сыном Феодором. Сакральный характер сцены подчеркнут изображением Божественного знамения – затемнение солнца и огненные лучи от него. Далее представлено «особое место» для крещения женщин и детей. В отличие от мужчин, они – в набедренных повязках. Обряд совершает священник (по тексту – «пресвитер»), а не епископ. Также показано Небесное знамение. На следующем клейме – миропомазание муромцев, которые одеты в белые одежды. Иконописец показывает и окропление их святой водой и целование креста. Столь подробное изображение обряда крещения уникально для древнерусской иконописи. Оно несравнимо и с рассмотренными выше архаичными по иконографии сценами крещения более ранних муромских икон. Изограф точно отразил соответствующий отрывок жития, который напоминает руководство для священника, а также довольно реалистично изобразил пологий, песчаный берег Оки и тот затон, прозванный в Муроме озером «Кстово», где по преданию крестили муромцев. Далее в клеймах показано шествие Муромцев на благодарственный молебен; молебен в храме (47-48); две трапезы для знати и для духовенства с нищими, пир для народа, устроенные Константином (подобно князю Владимиру) (49-51); раздача даров (52), после чего следует череда сцен усновения и погребения княгини Ирины и князей Константина и Феодора (53-57).

Представленные житийные иконы, объединенные сквозным сюжетом, являются редкими и яркими памятниками, отражающими ту легендарную картину Крещения Руси, которая сложилась на основе летописных сказаний и житий русских святых князей и епископов, внедрявших христианство. Все три произведения созданы в Муроме и свидетельствуют о своеобразной местной иконописной и агиографической традиции.

**

¹ МИХМ. Инв. № М-6665. 115x80. Хлебов Г.В. Житийная икона Бориса и Глеба из Мурома // ПКНО 1982. Л., 1984. С. 263 – 274; Смирнова Э.С. Иконография Бориса и Глеба // Православная энциклопедия. Т. 6, М., 2003. С. 59; Сухова О.А. и др. Иконы Мурома. М., 2004. Кат. 20. С. 168-173. Илл. С. 169, 171-172. (Описание – О.А. Сухова); Преображенский А.С. Иконография князя Владимира // Православная энциклопедия. Т. 8. М., 2004. С. 713.

² МИХМ. Инв. № М-6674. 100x78. Мельник А.Г. Иконография ростовских святых. Ростов, 1998. Кат. 11 (описание Сазонова С.В., Суховой О.А.); Трубачева М.С. Житийный образ Леонтия Ростовского и его литературный источник // IV Грабаревские чтения 1999. М., 1999. С. 61-71; Она же. То же // Уваровские чтения – III. 1996. Муром, 2001. С. 82-86; Сухова и др. Иконы Мурома. Кат. 44. С. 256-258. Илл. С. 257, 259-261. (Описание Е.К. Тюриной); Сухова О.А. Придел Леонтия Ростовского в храме Николы Зарядского в Муроме // ИКРЗ 2006. Ростов, 2007. С. 344-354.

³ МИХМ. Инв. № М-6604. 199,5x250,5. Сухова О.А. Житийная икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Федора Муромских. Александр Казанцев. 1714 г. М., 2006.

- ⁴ Икона. Владимир, Борис и Глеб в житии. XVI в. Вологда. 158x119. ВГИАХМЗ (ВОКМ № 7811). См.: Рыбаков А.А. Художественные памятники Вологды XIII – нач. XX века. Л., 1980. Кат. 54. Илл. Описание. С. 307; Преображенский А.С. Иконография князя Владимира. С. 713.
- ⁵ См.: «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков. / М., 1988. / Авт. вст. ст. А.Г. Кузьмин, сост., авт. прим. и указ. он же и др. Приложение. С. 281-284.
- ⁶ См.: Радзивилловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр / Отв. ред. М.В. Кукушкина. СПб. – М., 1994. Кн. 1-2.
- ⁷ Айналов Д.В. О некоторых сериях миниатюр Радзивилловской летописи // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1908. Т. 13, Кн. 2. СПб., 1908. С. 307-323, 311-312.
- ⁸ Дуйчев Ив. Миниатюрате на Манасиевата летопис. София, 1962; См.: Фототипно издание на прочутата Манасиева летопис, 2007.
- ⁹ Преображенский А.С. Иконография князя Владимира. С. 713.
- ¹⁰ Сазонов С.В. О версиях крещения русской земли в историографии XV в. // СРМ. Ростов, 1991. С. 29, 35, 36.
- ¹¹ Приписка к краткому летописчику Ефросина книгописчика Кирилло-Белозерского монастыря; предисловие к Синодику ростовского Успенского собора; текст в Ростовском патерике А.А. Титова. (РНБ Тит. 2059.) и др. См.: Сазонов С.В. О версиях крещения русской земли в историографии XV в.; Зимин А.А. Краткие летописцы XV – XVI вв. // Исторический архив. М.-Л., 1966. С.26-27.
- ¹² Воронин Н.Н. Житие Леонтия Ростовского и византийско-русские отношения второй половины 12 в. // Византийский временник. 1963. Т. 23. С. 29.
- ¹³ Только в последнее десятилетие вошли в научный оборот житийные образы этого святого, причем наша икона была «открыта» первой и реставраторами, и исследователями. Два других произведения, не позднее XVII в. (Ярославский художественный музей; Сольвычегодский историко-художественный музей) пока еще не раскрыты реставраторами. А.Г. Мельник одну из своих работ посвятил еще одной более поздней (XVIII в.) житийной иконе Леонтия Ростовского (Угличский музей), где уделил внимание и сценам крещения ростовцев. См.: Мельник А.Г. Житийная икона Леонтия Ростовского в собрании Угличского музея // Уваровские чтения – IV. Муром, 2003. С. 99-104; Он же. История почитания ростовских святых в XII-XVII вв. Диссертация на соискание кандидата исторических наук. Ярославль, 2003. Автореферат диссертации на соискание кандидата исторических наук. Ярославль, 2004.
- ¹⁴ Филипповский Г.Ю. Житие Леонтия Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI-первая половина XIV в. Л., 1987. С. 159-160.
- ¹⁵ Старейший список относится ко второй половине XIV в. См.: Мельник А.Г. История почитания ростовских святых в XII-XVII вв. Диссертация... Семенченко Г.В. Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского. ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 250-251.
- ¹⁶ Филипповский Г.Ю. Житие Леонтия Ростовского... // Словарь книжников и книжности Древней Руси. С. 159-160.
- ¹⁷ См. сн. 15.
- ¹⁸ Трубачева М.С. Житийный образ Леонтия Ростовского и его литературный источник // IV Грабаревские чтения 1999. М., 1999. С. 61-71; Она же. То же // Уваровские чтения –III. 1996. Муром, 2001. С. 82-86.
- ¹⁹ Здесь и далее цитирую по приведенным в статье М.С. Трубачевой фрагментам текста жития из рукописного сборника (ГИМ, фонд А.С. Уварова, №895).
- ²⁰ Голубинский Е. История Русской церкви. Т. 1. М., 1880. С. 172-173, 178-180.
- ²¹ Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 152-153.
- ²² Кривошеев М.В. Муромо-Рязанская земля. Очерки социально-политической истории XI – начала XIII вв. Гатчина, 2003. С. 34, 36.

- ²³ Смирнов Ю.М. Еще раз к вопросу о христианизации Мурома. Материалы областной краеведческой конференции (14 апреля 2006 г.). Владимир, 2007. Т. 1. С. 132-137; 135-136.
- ²⁴ МИХМ. Инв. № М-6604. 199,5x250,5. Сухова О.А. Житийная икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Федора Муромских. Александр Казанцев. 1714 г. М., 2006.
- ²⁵ См.: Руди Т.Р. Похвальное слово Константину Муромскому (некоторые проблемы исследования) // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 301-318. Приложение. 318-336.